

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Брежнев и Хетфилд

– Leo! Leo!

Брежнев заворчал во сне, натягивая одеяло на голову. Оконное стекло задребезжало – кто-то стучал в него снаружи согнутым пальцем. Из щели между рамами снова донеслось сдавленное:

– Leo!..

Брежнев сел в кровати. Оглядевшись, он узнал обстановку бунгало, где его устроил накануне Никсон.

– Витя! – окликнул Брежнев полумрак комнаты.

– I'm here. Извините, я здесь, Леонид Ильич! – отозвался спросонья Суходрев.

– Кто это там? – спросил Брежнев, указывая на окно, за которым поблескивали в темноте белки чьих-то глаз.

Суходрев поднялся с раскладушки, протирая глаза. Неизвестный снова забарабанил в стекло.

– Я охрану вызову, Леонид Ильич?

– Да подожди ты...

Брежнев вытянул из висевшей на спинке стула кобуры старомодный длинноствольный «кольт» и подкрался к окну.

– Леонид Ильич, не надо!.. – зашептал за спиной Суходрев, но Брежнев его не слушал. Повозившись с не по-русски открывавшимся окном, он наконец поднял раму. Калифорнийская ночь жарко дохнула ему в лицо.

– Hello! – в проеме появилась голова в бейсболке.

– Who are you? – строго спросил Суходрев из-за плеча Брежнева.

– I'm James! I'm hunter! – незнакомец нетерпеливо приплясывал на месте и озирался по сторонам. – Welcome to San Clemente! Hunt! Possum! Possum!

– Спать, что ли, хочет? – спросил Брежнев, обернувшись к Суходреву.

– Да нет, на охоту, вроде, зовет... – ответил Суходрев. – На опоссумов...

– На охоту?! – шепотом воскликнул Брежнев и, схватив обеими руками собственную ногу повыше колена, перенес ее через подоконник.

– Куда вы, Леонид Ильич?! – Суходрев вцепился в рукав пижамной куртки генсека.

– Цыц! – рявкнул Брежнев, восседая верхом на подоконнике и наводя револьвер на переводчика. – Не могу я больше, Витя, понимаешь? Сколько мы тут уже, а? Тоска смертная. Все «плыз» да «плыз». Вроде и ястребы вашингтонские, а все вегетарианцы – тьфу! Нельзя так – без огонька. Спасибо, один нормальный человек нашелся, знает, как гостя принять. Пристрелю кого-нибудь – хоть будет, что вспомнить.

– Тогда я с вами!

– Нет! Ты здесь оборону держи. Подай-ка португепю, – скомандовал Брежнев, продолжая держать Суходрева на мушке. Тот снял со стула расшитый ковбойский ремень-патронташ с двумя кобурами и подкинул начальнику. – Если стучать будут, – продолжал генсек, затягивая вокруг талии доспехи, – скажи, спит дорогой Леонид Ильич. А я скоро обратно. Понял?

– Yes of course...

– Выполняй... – Брежнев крутанул на пальце револьвер и, опустив его в кобуру, тяжко спрыгнул наружу.

Одетого в темное спутника Брежнева сразу проглотила предрассветная мгла. Да и крупная фигура генсека в голубой пижаме вскоре исчезла из виду.

Суходрев опустился на раскладушку и обхватил голову руками.

– ...всем людям доброй воли. Так ведь, Леонид Ильич? Голос Суходрева вырвал генсека из воспоминаний. Казалось, еще вчера он бежал босиком по чужой росистой траве, а две тяжелые кобуры приятно хлопали его по ляжкам.

– Мда-а... А как звали того парня?

– Какого парня, Леонид Ильич?

– Ну, этого американца, который меня в семьдесят первом на охоту водил.

– В семьдесят третьем, – поправил Суходрев, сверяясь с блокнотом. – Ваш официальный визит в США к президенту Ричарду Никсону. Конец холодной войны. Разрядка международной напряженности. Подписание ряда важнейших соглашений между СССР и США...

– Да какая на хер разница! – Брежнев махнул рукой. – Что ты мне тут политинформацию устраиваешь! Я спрашиваю, как парня того звали, с которым мы этих промышляли, как их?..

– Опоссумов... – подсказал Суходрев.

– Точно! Ох, и забавные, черти! – Брежнев, оживившись, завозился в кресле. – Так как его – Джон, Джордж?..

– Джеймс вроде... – отозвался Суходрев.

– А фамилия?

– Не помню – семь лет все-таки прошло, Леонид Ильич. А может, и не представился он.

– Ни хрена вы тут не знаете... – Брежнев поднял телефонную трубку. – Люба, Андропова мне... Юра? Помнишь, я в Америке от Никсона удрал? Да ладно, я знаю, что тебе докладывали, – Брежнев подмигнул Суходреву, поспешно углубившемуся в свои записи. – Вот-вот. Как фамилия того мужика, который меня на охоту водил? Хетфилд? Вот и дай команду, пусть ко мне товарища Хетфилда доставят. С дружественным визитом. Все, выполняй.

Брежнев положил трубку и тяжело поднялся из кресла.

– Ну ладно, поехал я.

– Куда же вы, Леонид Ильич? Нам ведь еще по речи пробежаться надо?

– Куда-куда... В Завидово. Дорогой друг приезжает. Охотиться будем, – пробурчал генсек и проследовал к двери.

В звонкую утреннюю тишину, зависшую меж стылых вершин деревьев, вкрался настойчивый сухой стрекот. Сидевший на крыльце лесного коттеджа мужчина в военной форме без знаков различия посмотрел сначала на небо из-под руки, а потом поднес к глазам большой черный бинокль. Тарахтенье быстро нарастало, звук становился сочнее и глубже.

– Летят?

Человек с биноклем обернулся и поспешно поднялся на ноги.

– Летят, Леонид Ильич! Вот-вот здесь будут!

– Добро... – ответил Брежнев и, повернувшись боком, принялся спускаться по ступенькам. Порученец взял его под локоть, автоматически отметив не по сезону надетую начальником лохматую шапку. Шапка была незнакомая, хотя и не новая – чуткий нос уловил запах нафталина и апельсиновых корок, которыми супруга Леонида Ильича Виктория Петровна спасала пушное добро от моли.

Звуки, падавшие с неба, теперь уже напоминали тяжелое бульканье. Брежнев с провожатым остановились на лестнице, задрав головы. В окаймленное листвою лазурное озерцо над ними всплыла продолговатая туша вертолета. Вертолет на миг закрыл собой солнце и скрылся из виду, заходя на посадку.

Через десять минут по узкой лесной просеке навстречу Брежневу шагала небольшая группа: двое в плащах, Суходрев в шляпе и верзила в красно-синей ветровке с капюшоном, натянутым прямо поверх бейсболки. Из-за плеча незнакомца виднелся висевший за спиной продолговатый черный футляр.

– Ну, иди, иди сюда! – громко и ласково промямлил Леонид Ильич, раскрывая объятья. Процессия остановилась в нескольких шагах от вождя. Брежнев приглашающе взмахнул распростертыми руками, точно пингвин. Один из гэбистов подтолкнул человека в куртке вперед. Тот непонимающе оглянулся, но в следующий момент уже оказался

прижатым к груди генсека. Расцеловав гостя в обе щеки, Брежнев засмеялся. Гость нервно посмотрел в сторону Суходрева.

– Что, не узнаешь? – воскликнул Брежнев, грозя пальцем. – Склероз на старости лет нажил? Это ж я – Лео! «Поссум! Поссум!» Вот он какой! – Брежнев сорвал со своей головы мохнатую шапку и потряс ею. Гость попятился от ожившего перед его носом меха.

Легкий ветерок шевельнул седую прядь на голове генсека. За деревьями нарастал сип двигателей собравшегося в обратный путь вертолета. Будто пораженный какой-то догадкой, Брежнев медленно вытянул руку, стащил с головы гостя капюшон, снял за козырек бейсболку. По плечам американца рассыпалась рыжеватая вьющаяся грива. Без головного убора незнакомец выглядел совсем юным. Он хлопал голубыми глазами и покусывал пухлую губу, над которой пробивался сивый пушок.

– Кто это? – спросил генсек, помедлив.

– Джеймс Хетфилд, Леонид Ильич, – отрапортовал один из сопровождающих, торопливо сверяясь с какой-то бумагой. – Из Калифорнии.

– Хетфилд? – спросил Брежнев.

– Yes, yes! I'm Hetfield, James Hetfield! – голос у пришельца был звонкий.

– Yes, Леонид Ильич, – подтвердил и Суходрев. Брежнев протянул переводчику кепку американца и, развернувшись, побрел обратно к коттеджу. Вертолет залопотал уже сверху и ненадолго появился над просекой.

Брежнев обернулся и что-то прокричал мывшейся на тропе компании.

– Что вы сказали, Леонид Ильич?! – переспросил Суходрев, но Брежнев уже уходил прочь.

– Вперед, товарищи, за Леонидом Ильичом, – коротко сказал Суходрев спутникам и вернул гостю его головной убор. – Welcome!..

– Так, может, обратно его все-таки отправим, раз ошибка? А, Леонид Ильич? – спросил Суходрев.

Американец по-собачьи посмотрел на генсека поверх стакана в украшенном витиеватой надписью «ВДНХ» подстаканнике.

– Или давайте мы его... к себе... – один из комитетчиков в плаще неопределенно мотнул головой в сторону.

Гость опасливо оглянулся на него, словно уловив зловещий смысл сказанного, и опять посмотрел на Брежнева.

Снова повисло тягостное молчание. Из собравшихся в сторожке беззаботность сохранял только олимпийский мишка, нарисованный на майке генсека и глядевший с его груди из-под расстегнутой тренировочной куртки. Сам Брежнев, сидевший, широко расставив ноги, за крепким деревянным столом, вот уже с четверть часа молчал. Генсек все мял подбородок да сердито хмурил брови, пока подчиненные предлагали свои варианты решения проблемы. Люди Андропова в спешке выдернули из Америки вместо старого приятеля Леонида Ильича этого вот голубоглазого олуха. Что ж теперь – испорчена охота?

Брежнев хлопнул ладонью по колену. Крякнув, поднялся из-за стола и застегнул молнию олимпийки. Снял с бревенчатой стены карабин с оптическим прицелом, клацнул затвором, посылая патрон из магазина в ствол.

Американец заерзал на месте и начал медленно поднимать руки.

– Расчехляй давай свое орудие, – сказал Брежнев, мотнув стволом. – Охотиться пойдем.

Суходрев что-то шепнул гостю на ухо и помог ему взгромоздить на стол футляр. Американец пляшущими пальцами принялся спешно расстегивать замки. Наконец он откинул крышку. Все подались вперед.

На лице Брежнева отразилось изумление. Он поставил свой карабин у стола и вынул из раскрытого футляра довольно странное приспособление.

Ружье оно напоминало разве что размером и неким подобием приклада – совершенно не маскировочного, правда, белого цвета и неудобной V-образной формы с острыми углами. Вдоль узкой и длинной деревянной детали, выходящей из приклада и называемой у обычного ружья цевьем, были натянуты тонкие металлические тетивы. Цевье пересекали какие-то поперечные деления, а заканчивалось оно хромированными винтами с головками-барашками. Ствола же не было вовсе.

Озадаченный генсек взвесил устройство на руках. Покачал, рассматривая его так и эдак, покрутил странные, точно у транзистора, ручки на прикладе, понюхал в казенной части – порохом не пахло. Потом, решив проверить неожиданную догадку, не без труда поднял оружие за цевье и взял наизготовку, выставив острые рога «приклада» вперед.

– Это что, арбалет, что ли? – произнес он, прищурираясь, чтобы спасти глаз от колючего конца небрежно намотанной на один из винтов тетивы. – Неудобно. Руки немеют. Сбалансировать нужно, – Брежнев, тяжело дыша, положил оружие на стол. – А стрелы где?

Суходрев перевел вопрос американцу. Он ответил вполголоса. Суходрев вопросительно посмотрел на гостя, тот затряс головой, подтверждая только что сказанное.

– Он говорит, что это не арбалет, Леонид Ильич. Это гитара...

– Yes, yes! – Американец кивал головой, демонстрируя в улыбке первоклассные зубы. – This is my guitar!

Брежнев искоса, будто на не вызывающее доверия блудо, посмотрел на лежавший перед ним инструмент. Ему больше нравились гитары обычные, теплого оттенка и фигуристые, как казачки, а эта была плоская и блестящая, точно посольская жена.

– За мной, – буркнул он, закидывая за плечо свое ружье, и направился к выходу.

Позицию заняли на вышке – Брежнев, Хетфилд, Суходрев, офицер-порученец. Круглая вырубка вся в желтой пижме и уже распушившихся метелках иван-чая была отсюда как на ладони.

– Вот оттуда они пойдут, – негромко сказал Брежнев, указывая стволом на опушку слева. Суходрев быстро переводил американцу. Тот кивал и хлопал белесыми ресницами.

– Ты в армии-то, Джеймс, служил? Стрелять умеешь? – спросил генсек.

Гость энергично замотал головой.

– Понятно, – Брежнев вздохнул. – Дай-ка, – он взял у порученца запасное ружье и вложил его в руки Хетфилду.

– Держи крепче, это тебе не балалайка. Вот так, – показывая пример, он уложил свое оружие цевьем на специальную подставку и, упершись прикладом в плечо, направил ствол в сторону вырубки. Гость повторил. – Правильно, способный ты парень.

У офицера зашелестело в рации. Он поднес ее к уху.

– Леонид Ильич! Егеря говорят, «пошли»!

– Ну, теперь гляди в оба! – сказал Брежнев, припадая глазом к оптическому прицелу.

Хетфилд тоже изготовился, попеременно замуривая то один, то другой глаз. Несколько минут ничего не происходило.

– Ну что ж они, – пробормотал генсек, и тут до их ушей донесся хруст валежника. Ветви калины задрожали, и на опушку выскочило приземистое, но мощное животное.

– Pig! – воскликнул Хетфилд.

– Boag, – вполголоса поправил его Суходрев. – Кабан по-нашему.

– Cab-ban... – повторил вслух Хетфилд и прицелился.

– Подожди! – жарко прошептал Брежнев и, не отрываясь от прицела, предупреждающе вздел руку. – Пусть все сначала выйдут, а то убегут.

Животное хрюкнуло, кусты затрещали и оттуда один за другим начали появляться здоровенные кабаны. Все они возбужденно переговаривались и, подталкивая друг друга, направлялись к противоположной опушке. Над высокой травой мелькали их косматые холки.

Раздался выстрел, сразу за ним второй и пронзительный визг. Генсек выпрямился и оценил произведенные им разрушения. Первая его жертва рухнула где-то в траве и не была видна. Генсек снова пригнулся, целясь, и выстрелил несколько раз подряд. Иван-чай взорвался облачком пуха. Повторилось переходящее в хрип визжание, и все увидели завалившуюся набок и примявшую под собой траву жирную свинью. Другие кабаны обегали и перепрыгивали через неудачливого сородича, тревожно всхрапывая. Генсек отдал порученцу дымящееся ружье. Тот сразу же вручил ему подменное и, не медля, принялся перезаряжать полученное.

– Что волынку тянешь? – крикнул Брежнев, обращаясь к Хетфилду.

Тот стоял, оцепенев и широко распахнув небесного цвета глаза. Только пересохшие его губы беззвучно шевелились. Казалось, он молится.

– Уйдут чушки!!! – рявкнул генсек ему прямо в лицо.

Хетфилд вздрогнул, снова встал в позицию и принялся беспорядочно водить стволом в поисках цели. Приближенные оптикой стебли травы мелькали перед взором, вызывая тошноту, словно при качке. Ладони предательски вспотели, заставляя Хетфилда все крепче сжимать скользкое лакированное дерево винчестера.

Совершенно неожиданно сопротивление металлического крючка под его пальцем ослабло. Где-то прямо перед носом раздался взрыв, приклад ткнул в плечо, а прицел в глаз. Оглохший Хетфилд инстинктивно выпрямился,

с громким «чпок!» отрывая от лица присосавшийся резиновый наглазник прицела.

На поляне юлой вертелся визжащий кабан.

– Молодец! – услышал сквозь звон в ушах Хетфилд голос продолжавшего целиться Брежнева. – Но подранка добрать трэба!

Не тратя времени на перевод, Суходрев знаками объяснил американцу, что нужно делать.

Хетфилд поднял оружие и отыскал своего раненого кабана.

Это был настоящий секач. Он тяжело подпрыгивал, поднимая то передние, то задние ноги, и крутился на месте, исполняя танец смерти. На правом его боку расплзлось темное пятно. Вдруг, будто почувствовав взгляд противника, кабан развернулся в его сторону и замер. В разлинованном кружке прицела Хетфилд в подробностях разглядел страшную морду: тарашившиеся исподлобья злобные глазки, ни на миг не прекращавшее шевелиться рыло в облаке пара, желтоватые клыки, один из которых был сломан на конце. Казалось, самец хочет заглянуть в лицо охотнику, но неподвижный загрибок не позволял ему задрать голову и увидеть людей на вышке. Рыло его немного приподнялось, открывая взору гадкую треугольную пасть. Раздался визг, из пасти свесилась трепещущей бородой розовая пена.

Хетфилд почувствовал, как его колени подогнулись. Откуда-то издалека долетел звук выстрела.

– Коньяка ему! – крикнул Брежнев.

Офицер присел рядом с телом американца, отвинтил крышку фляжки и смочил гостью губы.

Хетфилд заморгал.

– Ну что, оклемался? – поинтересовался через плечо генсек. – Ничего, в первый раз со всеми бывает. Но начал хорошо. Я его добил. Наш с тобой на двоих трофей. Давай, парень! Вон их сколько.

Хетфилд поднялся на ноги и увидел, что на поляну выскакивают новые и новые кабаны. Подгоняемые невидимыми егерями, они неслись через поляну от одной опушки к другой. Травы уже практически не было видно, все пространство затопила колеблющаяся масса серых спин. Из-

далека эта картина напомнила Джеймсу стремительную реку крыс, которых они с мальчишками как-то спугнули во время экспедиции по канализации родного Дауни. Он вскинул винчестер и принялся палить без подставки, с плеча. Звери, не успевавшие добежать до спасительных зарослей, один за другим валились на землю. Гость разругался, в плавных чертах его лица проступило что-то хищное. Он снова что-то бормотал. Только теперь уже можно было различить и слова. Однако Суходрев не спешил их переводить. Да и сам старался их не слушать.

– Молодец! – услышал Хетфилд слева от себя.

Брежнев не отставал от гостя, и их помощнику то и дело приходилось перезаряжать магазины. Оглушительный ружейный треск и кабаний визг висели над вырубкой. Вышку окутал пороховой дым, а бой все продолжался.

– Патроны кончились, Леонид Ильич! – услышал Брежнев за спиной крик офицера и обернулся. Порученец показывал сбитыми в кровь от бесконечной перезарядки ружей руками на пустой зеленый ящик на полу. Генсек вспомнил Малую Землю.

– Эх-ма! – воскликнул он и, выхватив из-под свитера длинный «кольт», принялся палить, после каждого выстрела взводя курок ладонью.

У Хетфилда тоже опустел магазин и он, отбросив ружье, обернулся к офицеру. Тот в ужасе отшатнулся. Сейчас американец был поистине ужасен: всклоченные волосы окаймляли оскалившуюся закопченную рожу. Глаза метали голубые молнии. Из порванного ворота клетчатой байковой рубахи выбились рыжая шерсть. Хетфилд протянул оказавшуюся неожиданно крупной руку к офицеру и сорвал с его плеча автомат.

– Давай, Джеймс! – крикнул, увидев такое, Брежнев. Он бросил опустевший револьвер и выхватил второй. – Убей их всех!

– Kill 'em all! – на секунду вынув пальцы из ушей, привычно перевел Суходрев. Впрочем, слова уже были излишни.

Хетфилд взглянул на Брежнева, будто не узнавая его, издалека и свысока, похожий на грозное божество. В следующую секунду он расхохотался и принялся строчить,

поливая свинцом полную монстров поляну. Гильзы фонтаном ударили из «калашников». Падая, одни из них еще успевали сплясать на полу, другие сразу сыпались с вышки вниз.

В последний год перед тем, как страна узнала о «летнем» времени, августовский вечер пришел как подобает – ранний и густой. Уютно потрескивали сучья в костре, меж деревьев поблескивала поодаль река, длинные шевелящиеся тени отдохавших охотников лежали вокруг кострища.

Брежнев был задумчив. Сидел на раскладном стуле, локти на подлокотниках. Он обеими руками держал перед лицом большую алюминиевую кружку и смотрел сквозь поднимавшийся над чаем пар на колышущийся огонь.

– Давно такой охоты доброй не было, – сказал он. – Хорошо бьешь. По-сосистки...

Последнее слово далось Брежневу с трудом. Сам на себя досадовал из-за этих важных, но ставших трудными слов. Но сдаваться не привык – сколько раз помощники предлагали заменить их, однако он упорно повторял: «социалистический», «систематически».

Хетфилд, сидевший на бревне и тоже глядевший на пламя, поднял со скрещенных на коленях рук голову, откинул с лица волосы. Выслушав перевод, он смущенно улыбнулся и тут же, поморщившись, потрогал место под правым глазом, где после поцелуя прицела проявился синяк. В неверном свете костра он казался почти черным.

Брежнев усмехнулся.

– И с бывальыми случается. Я вот недавно с окна машины стрелял, так бровь рассек. Ничего, Джеймс, до свадьбы заживет!..

Немного помявшись, американец вдруг шепнул что-то Суходреву и с интересом уставился на Леонида Ильича.

– Что он спрашивает, Виктор?

– Да так, Леонид Ильич, – Суходрев махнул рукой и, привстав, принялся тыркать длинной палкой в костер, поднимая снопы искр.

– Нет, ты подожди, не юли, – потребовал Брежнев. – У нас от друзей секретов нет.

– Да серьезный политический вопрос. А у него еще молоко на губах не обсохло, к тому же из Штатов... – Суходрев снова рубанул воздух рукой.

– А наши позиции четкие. И мы всегда готовы к диалогу. В том числе и с представителями капиталистических держав. Переводи, едрить твою мать!

– Он спрашивает, что такое социализм.

Брежнев задумался, утопил подбородок в вороте толстого свитера. Через пару мгновений кивнул Суходреву: – Переводи, Витя. Только поточней, как для мистера Рейгана... – Брежнев наклонил голову и с хитрецей глянул на гостя.

– Вот раньше руководили у нас государством цари. был среди них Иван Грозный. Это не фамилия у него такая, а прозвище – уж больно жесткую политику проводил. Он эти места тоже любил. Охотился здесь. Тут у него даже шалаш специальный царский стоял. И все было так, как он хотел. И никто здесь больше охотиться не смел. Да и некогда было. Народ в поле горбатился, чтобы царя с боярами прокормить. А чуть что не так – его опричники налетят и кого посекут, а кому и голову с плеч или на кол. Правильно, товарищи, я излагаю?

– Правильно, Леонид Ильич, – сидевший рядом с Хетфилдом комитетчик в расстегнутом плаще звонко переломил о колено ветку и швырнул ее в костер.

– А теперь у нас, считай, каждый сам себе царь. Все у нас общее, народное. И Завидово, и вся страна. Равенство и справедливость для всех. Успеваешь, Витя?

– ...and justice for all. Да, Леонид Ильич, все в порядке, – подтвердил, закончив переводить последнюю фразу генсека, Суходрев. – А вы тоже царь?

– Чего? – Брежнев скрипнул стулом.

– Это не я, это гость интересуется, – сказал Суходрев привставшему и сунувшему себе за пазуху руку комитетчику.

– Вы поаккуратней, Виктор Михайлович, – сказал тот, снова расслабляясь и сдвигая шляпу на затылок.

– Ничего-ничего, – сказал Брежнев, успокаивающе поднимая руку, и снова обратился к американцу. – Нет, товарищ Хетфилд, я не царь. Я вождь. Это работа поответ-

ственной царской будет: мало просто «что хочу, то и ворочу». Нужно и людей за собой вести. И за народным хозяйством присматривать. И на международной арене тоже... Это, знаешь, – Брежнев выставил перед собой руки ладонями вниз и пошевелил пальцами, – как в театре за ниточки дергает... Этот... Кукловод.

– Master of puppets, – повторил вполголоса вслед за Суходревым последние слова Брежнева Хетфилд.

– Эх, все у тебя впереди. Все еще поймешь. А пока молод – вон, о девках лучше думай. О ковбойках своих. Сколько тебе лет-то, Джеймс?

– Семнадцать ему, – сказал Суходрев.

– Today, – глухо сказал Хетфилд.

– Сегодня исполнилось, – добавил Суходрев.

– А что ж молчишь?! – воскликнул генсек. – Почему не предупредили?! – гавкнул он на съездившегося комитетчика. – «Зубровки» сюда!

Из темноты вынырнула рука с блеснувшей бутылкой. Откупорили, выплеснули на землю остатки чая и быстро разлили по кружкам.

– За нового охотника! Считаю – мужиком стал! – провозгласил тост Брежнев. Брякнули кружки. Все выпили, посмеялись над закашлявшимся Хетфилдом. Похрустели огурцами и, несмотря на протесты Суходрева, выпили еще.

– А теперь купаться! – воскликнул Брежнев и принялся стаскивать с себя свитер.

– Да вы что, Леонид Ильич?! – взмолился Суходрев. – Вчера ведь Ильин день был. После него ж нельзя. Говорят ведь, Илья Пророк в воду, извиняюсь, нассал!..

– Ерунда! Уринотерапия, Витя! – прокричал в ответ Брежнев, удаляясь в сторону реки. – Давай, Джеймс Хетфилд. Не отставай. Это ж Лама. Здесь сам Иван Грозный купался.

Неожиданно темное небо прорезала молния, навсегда оставив в памяти Джеймса Хетфилда моментальный черно-белый снимок: пустынный лесной берег и одинокая фигура раздетого пожилого человека, отважно стоящего лицом к лицу со стихией. Грохнул гром.

– Гроза же, Леонид Ильич! – крикнул Суходрев, подбирая скинутые на ходу генсеком одежды.

– Да черт с ней! – вслед за этими словами с берега донесся тяжелый всплеск.

Суходрев с комитетчиком переглянулись и бросились к реке. Хетфилд продолжал прыгать на одной ноге, пытаясь снять кроссовку. Через минуту снова вспыхнула молния, и он увидел, что навстречу ему переводчик с гэбистом ведут генсека. Брежнев обвис на их плечах. Он был в одних трусах, весь мокрый, голова его болталась. С повисшей пряди струилась вода.

– Сердце прихватило, – сказал Хетфилду по-русски Суходрев.

– Ride the lightning... – пробормотал Хетфилд.

Хлынул ливень. Молния сверкнула еще раз, и сквозь дым, поваливший от заливаемого дождем костра, Хетфилд разглядел за деревьями, среди

которых скрылись русские, огромный темный конус – то ли островерхую крышу шалаша-терема Ивана Грозного, то ли верхушку вигвама вождя.

Гром ударил совсем низко и одновременно с этим Джеймса Хетфилда звезданули чем-то тяжелым по голове. Американец, точно раненый кабан, завалился на бок и поплыл куда-то, покачиваясь на развернутой плащ-палатке.

Джеймс Хетфилд очнулся с раскалывающейся головой в пустом салоне маленького самолета. Мерно гудели двигатели. В иллюминаторе сияло солнце. К стене привалился гитарный футляр.

На соседнем кресле стояла большая спортивная сумка с надписью «MOSCOW-80» и олимпийскими кольцами на боку.

Перегнувшись через подлокотник, Хетфилд расстегнул молнию и принялся извлекать из нее удивительные предметы: странно пахнущую шапку из опоссума, пластинку с надписью «ПЕСНРРЫ» и фотографией непонятных людей в расшитых рубашках и с отвислыми усами, бутылку с изображением похожего на бизона животного на этикетке и увесистый, вкусно пахнущий сверток. Джеймс развернул на коленях промасленную бумагу и увидел здоровенный копченый кабаний окорок в сизых можжевеловых ягодах. Он в задумчивости открыл бутылку, сделал несколько глотков обжигающей жидкости и вцепился в буженину зубами. После того как бутылка опустела, он снова заснул.

*Леонид Ильич Брежнев умер в 1982 году. Группа Джеймса Хетфилда Metallica выпустила дебютный альбом в 1983. Он назывался **Kill 'Em All**. За ним последовали **Ride The Lightning** (1984), **Master Of Puppets** (1986), ...**And Justice For All** (1988) и другие. Джеймс Хетфилд страстно увлекся охотой. Его поклонники без конца спорят, обсуждая слухи о том, действительно ли Джеймс инкогнито посещает Россию, чтобы пострелять в наших лесах.*

Но о его первой охоте не рассказывают ни он сам, ни другие участники этой давней истории.